

народу, искреннее уваженіе къ нему, сочувственное пониманіе его жизни. Эта привязанность къ народу придаетъ Толстому особую почвенность и здоровье. Эта духовная близость къ народу была, впрочемъ, не меньше у Достоевскаго, у котораго была вскормлена не добрососѣдскими отношеніями, а совмѣстной каторгой. Но если Достоевскій остался совершенно чуждъ народобожію, при всемъ своемъ культѣ „народа-богоносца“, Толстой, какъ религіозный мыслитель, такъ и остался въ плѣну сознательнаго или безсознательнаго народобожія, которое сближаетъ его съ нашей интеллигенціей. Опрощенство есть мораль народобожія. Но народобожіе несомвѣстимо съ религіей духа, ибо оно есть все-таки идолопоклонство. Такимъ образомъ, въ этомъ ученіи мотивы христіанскаго аскетизма неразлично смѣшаны съ мотивами народобожія, а культурное иконоборчество само является выраженіемъ культурной переутонченности и соціальной привилегированности, предполагаетъ въ качествѣ основы то, что оно отрицаетъ, т. е. страдаетъ внутреннимъ противорѣчіемъ.

Но насколько ученіе объ опрощеніи бѣдно положительнымъ религіознымъ содержаніемъ, настолько же оно сильно своей отрицательной, критической стороной. Критика современной цивилизаціи, содержащаяся въ этомъ ученіи, имѣетъ огромное и притомъ чисто культурное значеніе. Какъ уже было указано, соціальный мотивъ и соціальную правду этой критики Толстой раздѣляетъ съ социалистами и вообще соціальными реформаторами. Но въ религіозной критикѣ цивилизаціи онъ идетъ своимъ собственнымъ путемъ. И притомъ замѣчательно, что подобно древнееврейскому прорицателю Валааму, онъ, вмѣсто того, чтобы проклинать, въ дѣйствительности благословляетъ, ибо религіозная критика цивилизаціи есть истинно культурное дѣяніе. Это уже не опрощеніе (о какомъ опрощеніи можно говорить міровому писателю, каждое слово котораго по телеграфу, телефону, почтѣ, распространяется въ отдаленные концы міра), это есть критика гнилой, негодной, мѣщанской культуры во имя идеала истинной, высокой духовной культуры. Вѣдь Толстой, громя культуру, въ дѣйствительности громитъ *буржуазность* этой культуры, и эта отрицательная сторона гораздо существеннѣе въ этой критикѣ, нежели прямыя его утвержденія культурнонигилистическаго характера. Такъ, нападая на науку, онъ прежде всего имѣетъ въ виду иррелигіозность или духовную буржуазность жрецовъ этой науки, съ ихъ филистерскимъ самодовольствомъ и тупымъ само-